

Основания гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный органами государственной власти

С. Д. Людвиг

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: ludwig08@rambler.ru

Grounds for Civil Liability for Damage Caused by Public Authorities

S. D. Ludwig

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: ludwig08@rambler.ru

Аннотация

Проблемы возмещения вреда, причиненного в результате деятельности органов государственной власти, имеют ключевое значение для института гражданско-правовой ответственности ввиду их компенсационной (восстановительной) направленности. Однако до настоящего времени проблемы определения условий наступления гражданско-правовой ответственности вызывают бурные дискуссии в научной литературе и неоднозначное толкование в судебной практике. Особое внимание в данной статье уделяется вине, как основанию гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный органами государственной власти. В заключение формулируется вывод о том, что наличие вины не является необходимым условием гражданско-правовой ответственности, а является фактором, влияющим на определение размера возмещения вреда (вплоть до отказа в возмещении). Условиями наступления гражданско-правовой ответственности для органов государственной власти являются наличие вреда и деяние субъекта (независимо от их характера – правомерное и противоправное).

Ключевые слова: вина, вред, возмещение вреда, гражданско-правовая ответственность, деликт, деликтная ответственность, компенсация вреда, моральный вред, органы государственной власти, противоправное деяние, правомерное деяние, ущерб, упущенная выгода, условия наступления гражданско-правовой ответственности.

Abstract

The problems of compensation for harm caused by the activities of state authorities are of key importance for the institution of civil liability because of their compensatory (recovery) orientation. However, to date, the problems of determining the conditions for the occurrence of civil liability provoke heated discussions in the scientific literature and ambiguous interpretation in judicial practice. This article focuses on guilt as the basis of civil liability for damage caused by public authorities. The author concludes that the presence of guilt is not a necessary condition for civil liability, but is a factor influencing the determination of the amount of compensation (up to the refusal of compensation). The conditions for the occurrence of civil liability for state authorities are the presence of harm and the act of the subject (regardless of their nature - lawful and illegal), which caused harm, which is in a causal connection with this harm.

Keywords: guilt, harm, compensation for harm, civil liability, tort, tort liability, compensation for harm, moral harm, public authorities, illegal act, lawful act, damage, loss of profit, conditions of civil liability.

Государство, являясь гарантом правопорядка на своей территории, не способно гарантировать перманентную правомерность действий своих должностных лиц. Это идеал, к достижению которого нужно стремиться. Но, как и любой

идеал, он недостижим, поэтому государство лишь может снизить последствия этой ситуации до социально терпимого уровня, в том числе путем создания работоспособного механизма восстановления прав граждан, нарушенных в ре-

зультате причинения вреда органами государственной власти.

Одним из действенных механизмов восстановления прав граждан, нарушенных в результате действий органов государственной власти, является привлечение публично-правовых субъектов к гражданско-правовой ответственности.

По своей юридической природе обязательства, возникающие в силу применения норм гражданско-правового института возмещения вреда, причиненного актами органов власти или их должностных лиц, представляют собой правовую форму реализации гражданско-правовой ответственности, к которой привлекается причинитель вреда в соответствии с предписанием закона (ст. 1064 ГК РФ) [5].

Статья 1069 определяет общие условия деликтной ответственности органов государственной власти. К таким условиям относятся наличие вреда, противоправность деяния, причинно-следственной связи между противоправным деянием и причиненным вредом, а также вины причинителя вреда, при этом наличие вины и причинно-следственной связи презюмируются.

Особенности гражданско-правовой ответственности как разновидности юридической ответственности вообще вызваны особенностями предмета гражданского права, метода и механизма гражданско-правового регулирования, порядка разрешения гражданско-правовых споров, принципами гражданского законодательства (юридическое равенство сторон, диспозитивность, наличие имущественно обособленных субъектов гражданского права, автономность их воли, осуществление своих гражданских прав по своему усмотрению и т. д.) [1].

Вред, причиненный действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц, может выражаться в прямом ущербе, т. е. в уничтожении или повреждении имущества потерпевшего, упущенной выгоде, снижении или утрате потерпевшим трудоспособности, потере кормильца, дополнительных расходах, призванных обеспечить жизнедеятельность потерпевшего как полноценной личности (расходы по уходу, на санаторно-курортное лечение, протезирование, приобретение мотоколяски и т. д.), причинении физических или нравственных страданий. Вред – это не только потеря или уменьшение того, что есть, но и неполучение того, что могло прирасти к имуществу, духовно обогатить личность, повысить ее общеобразова-

тельный и профессиональный уровень. Дискомфортное состояние личности, вызванное причинением физических или нравственных страданий, – это тоже вред, называемый моральным вредом [8].

Защита прав и свобод граждан в случае их нарушения является одним из важнейших признаков правового государства. Право граждан на самостоятельную защиту чести и собственного достоинства закреплено в конституционном порядке.

Согласно статье 53 Конституции Российской Федерации все граждане имеют право на уровне государства на компенсацию ущерба, который был причинен посредством противоправных действий, либо бездействия органов государственной власти, местного самоуправления, а также должностных лиц этих органов.

По общему правилу, имущественный ущерб не предполагает возможным компенсацию морального вреда, связанного с утратой или повреждением имущества, как бы ни были сильны переживания по этому поводу у собственника. Вместе с тем выход из сложившейся ситуации все же имеется, по крайней мере, такая возможность не исключается.

Обращает на себя внимание, что содержание статьи 150 ГК РФ ориентирует нас на признание нематериальными благами тех прав и свобод, которые тесно связаны с личностью, хотя и имеют своим объектом конкретное имущество, как это наглядно демонстрирует право на неприкосновенность жилища. Большинство таких прав имеют прямое закрепление в Конституции России в качестве фундаментальных свобод.

С некоторым сожалением отметим, что формулировка статьи 35 Конституции РФ провозглашает охрану собственности законом и указывает на невозможность принудительного лишения человека принадлежащего ему имущества. Однако содержательно перед нами вполне конкретная норма, несущая имущественный характер. Неприкосновенность права собственности в Конституции России не провозглашена. Согласно статье 17 Конституции РФ гражданам гарантируются признание и защита прав, предусмотренных нормами международного права. Тем интереснее для нас содержание статьи 1 протокола № 1 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод, провозглашающее право на уважение собственности. Такая формулировка гораздо ближе к пониманию собственности как неотчуж-

даемого блага, учитывая, что без материального фундамента, жизнь, развитие человека невозможны в принципе [6].

Между тем указанные примеры скорее являются средством достижения баланса частных и публичных интересов, поскольку потребитель или обращающийся к чиновнику, заранее является слабой стороной в возникающих отношениях.

Как же быть, если имущественные потери понесены в связи с поведением соседа или стороны по договору, какой является такой же обычный гражданин, или если договор не является потребительским по своим свойствам?

Довольно часто, хотя и не всегда, действия иных лиц, причиняющие имущественный ущерб собственнику, могут быть квалифицированы как преступление. При определенных условиях, когда правоохранительные органы отказывают в возбуждении уголовного дела, в соответствующем постановлении обычно содержится ссылка на ч. 2 ст. 14 УК РФ¹ о том, что подтвержденное материалами проверки деяние лица не образует состав уголовного преступления, поскольку лишь формально содержит признаки последнего.

Однако это дает повод заявить о том, что в результате имеющихся объективных оснований, как правило, связанных с незначительностью материального ущерба для целей уголовного преследования, тем не менее было нарушено право на уважение собственности, – то нематериальное благо, гарантии которого установлены международным правом. Тем более что сам факт противоправного поведения стороны нашел подтверждение, и лишь по формальным соображениям «не дотянул» до квалификации его как уголовного преступления.

Такой подход к определению оснований компенсации морального вреда при понесенном материальном ущербе представляет значительный интерес и требует своего дальнейшего изучения.

Проблемы возмещения вреда, причиненного в результате совершения гражданского правонарушения, имеют ключевое значение для института гражданско-правовой ответственности ввиду их компенсационной (восстановительной) направленности. Однако до настоящего времени

проблемы определения условий наступления гражданско-правовой ответственности вызывают бурные дискуссии в научной литературе и неоднозначное толкование в судебной практике. Осложняют ситуацию и серьезные отличия гражданско-правовой ответственности от других видов ответственности с учетом поставленных целей – максимально восстановить нарушенное право.

Основанием гражданско-правовой ответственности, как впрочем и любой другой юридической ответственности, является правонарушение (ч. 2 ст. 54 Конституции Российской Федерации). Важнейший элемент правонарушения – противоправность деяния. Но в отличие от других видов юридической ответственности, для гражданско-правовой ответственности законодательно допускается привлечение к ответственности и за правомерные деяния.

В частности, часть 2 статьи 18 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»² содержит норму о возмещении вреда, причиненного правомерными действиями при пресечении террористического акта. В пункте 37 части 1 статьи 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»³ указывается на возможность возмещения вреда, причиненного изъятием сотрудниками полиции транспортного средства в целях пресечения преступления, преследования лиц, совершивших преступления и пр. Предусмотрена ответственность и за причинение вреда правомерными действиями органов регистрации прав (ч. 4 ст. 66 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»⁴).

Впрочем, последний пример не столь удачен, как предыдущие два, так как законодатель допускает возможность обращения в порядке регресса со стороны Российской Федерации к причинителю вреда, что наводит на мысль о том,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. – 1996. – 25. – Ст. 2954.

² Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 18 апреля 2018 г.) // СЗ РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

³ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 3 августа 2018 г.) // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

⁴ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ред. от 25 декабря 2018 г.) // СЗ РФ. – 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4344.

настолько ли правомерны были действия причинителя вреда. Данные сомнения укрепляются при анализе подпунктов 1-3 части 4 статьи 66 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости», где приведены случаи возможного регресса. Среди них – признание акта государственной власти или местного самоуправления судом незаконным; реестровая ошибка; незаконные действия третьих лиц. Таким образом, причинение вреда в данных случаях происходит вследствие противоправных действий, но не органа регистрации, а иных лиц. На орган же регистрации возлагается обязанность возместить вред и в порядке регресса обратиться к причинителю вреда. Тем самым законодатель совершает теоретическую ошибку, смешивая понятия субъекта ответственности и субъекта, причинившего вред.

Необходимо отметить, что сходная ситуация складывается во всех случаях, когда законодатель возлагает обязанность возмещения вреда на лицо, которое фактически вред не причиняло.

Действительно, в пункте 1 статьи 1064 ГК РФ указано, что закон может возложить обязанность возмещения вреда на иное лицо, формально не являющееся причинителем вреда. Но даже в этой фразе законодатель не говорит о возложении ответственности; авторы закона указывают на возложение обязанности, что свидетельствует о том, что возмещение вреда потерпевшему не причинителем вреда, а иным лицом, имеет цель не наказать это иное лицо, а обеспечить наиболее полную защиту прав граждан путем возмещения вреда с возможностью в последующем обращения в порядке регресса к причинителю вреда [3].

Более того, в данном случае ситуацию с возмещением вреда третьим лицам можно рассматривать с позиции того, что закон указывает нам не на субъект ответственности, а на источник возмещения вреда потерпевшему. Если мы обратимся, например, к статьям 1069, 1070 ГК РФ, то, по сути, в них речь идет об источнике возмещения – казне Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования.

Следует отметить, что Конституционный Суд РФ приводит иную аргументацию существования в российском гражданском законодательстве ответственности третьих лиц за причиненный вред.

Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. № 4-П¹ авторы отмечают, что наступление гражданско-правовой ответственности иного лица, отличного от причинителя вреда, связано с наличием между ними устойчивых правоотношений (семейных, трудовых и пр.), предполагающих ответственность одних субъектов за деятельность других.

Действительно, необходимо согласиться с тем, что ответственность иных лиц за причинение вреда вызвана наличием определенных правоотношений между субъектами. Этот вывод крайне важен для правоприменительной практики. Однако невозможно не заметить, что в исследуемых составах субъектами ответственности выступают сами причинители вреда и отвечают за свои действия. При этом статьи 1069, 1070 ГК РФ допускают обращение к причинителю вреда в порядке регресса, что еще раз подтверждает вывод о том, что субъектами ответственности являются сами причинители вреда, а Российская Федерация возмещает вред, преследуя цели максимальной защиты прав граждан и юридических лиц. И если толковать нормы закона именно так, то решится проблема с попыткой привлечения к ответственности широкого круга лиц за действия причинителей вреда, не являющихся субъектами правоотношений, описанных выше [9].

Возвращаясь к такому специфическому условию, как правомерные действия, хотелось бы отметить, что для возникновения гражданско-правовой ответственности важны следующие условия: наличие вреда, наличие причинно-следственной связи между поведением, вызвавшим причинение вреда, и вредом. При этом для наступления гражданско-правовой ответственности, на наш взгляд, совершенно неважно, правомерное поведение вызвало причинение вреда или противоправное.

Правомерность либо неправомерность деяния, вызвавшего причинение вреда, наличие или отсутствие вины причинителя вреда должны быть безразличны с точки зрения наступления гражданско-правовой ответственности. Если причинен вред, существует причинно-следственная связь между деянием субъекта и этим вредом,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 4.

гражданско-правовая ответственность должна наступать. Правомерность либо неправомерность, наличие или отсутствие вины должны влиять только на размер возмещения вреда. Иная ситуация приведет и приводит к нарушению принципов справедливости, возмещения вреда в полном объеме и др.

В многочисленной судебной практике, в научных публикациях, как правило, сделан однозначный вывод о том, что вина является необходимым условием гражданско-правовой ответственности, за исключением случаев, установленных законом. Такие позиции высказываются на основании анализа статьи 1064 ГК РФ. Однако пункт 1 статьи 1064 ГК РФ не позволяет нам сделать такой вывод.

Исследование пункта 1 статьи 1064 ГК РФ показывает, что условиями ответственности за причинение вреда законодатель видит следующие: наличие вреда, наличие поведения определенного субъекта, приведшего к причинению вреда, и причинную связь между деяниями субъекта и наступлением вреда. То есть принцип генерального деликта, заложенный в пункте 1 статьи 1064 ГК РФ, означает: если причинен вред, то возникает обязанность по его возмещению. Никаких иных условий для возникновения обязанности пункт 1 статьи 1064 ГК РФ не предусматривает.

Вывод о наличии в условиях привлечения к ответственности такого элемента, как вина сделан на основании пункта 2 статьи 1064 ГК РФ, указывающего на такое основание освобождения от ответственности, как вина. Однако в гражданском законодательстве предусмотрены и другие основания освобождения от ответственности (например, необходимая оборона в ст. 1066 ГК РФ), но авторы их к числу условий наступления гражданско-правовой ответственности не относят. Полагаем, что здесь имеет место подмена понятий. Условия ответственности за причинение вреда смешиваются с основаниями освобождения от ответственности.

При достижении данного баланса действия (бездействие) государственных, муниципальных органов и их должностных лиц, сопряженные с причинением вреда, не могут квалифицироваться как противоправные, а, как известно, вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению лишь в случаях, предусмотренных законом (п. 3 ст. 1064 ГК РФ). В установленных статьями 1069 и 1070 ГК РФ основаниях возмещения публичными правовыми образованиями

вреда юридическое значение имеет только противоправное его причинение актами власти [2].

Установление гражданско-правовой ответственности государства за вред, причиненный незаконными актами власти вне зависимости от вины его органов и должностных лиц, является одним из важнейших направлений развития компенсационного законодательства.

Если установлено, что причинивший вред акт власти не является правомерным, суд фактически закрывает проблему вины, не вдаваясь в специальное исследование доказательств невиновности государственного органа или должностного лица. Учитывая категории западной цивилистики, это можно объяснить наличием высоких стандартов доказывания невиновности государственного органа или должностного лица. В результате ответственность, регулируемая статьей 1070 ГК РФ, по сути, становится ответственностью независимо от вины при формальном признании ее необходимости.

В европейском деликтном праве давно определились с категорией вины, признав, что ее значение сводится к лингвистической игре. Высокие стандарты доказывания, перевод бремени доказывания по определенным составам, строгая ответственность в предусмотренных случаях, связанных с массовыми деликтами, применением новых источников повышенной опасности, эксплуатацией опасных производственных объектов, IT – все это формально и фактически ведет к ответственности независимо от вины. Вина давно локализуется в области ответственности физических лиц, в сфере регрессных и некоторых других обязательств.

Как уже отмечалось выше, в практике российских судов признание в установленном порядке незаконности акта власти расценивается как установление виновности делинквента. Между тем вполне вероятно, что может быть доказано обратное, и это исключит ответственность за причинение вреда за счет казны.

А как быть с установлением степени вины причинителя в случае привлечения к ответственности за вину? Ведь размер компенсации морального вреда зависит от ряда обстоятельств, в том числе от степени вины причинителя вреда, когда вина является основанием ответственности (ст. 1101 ГК РФ).

Неслучайно в современном гражданском праве возродилась довольно логичная позиция, признающая причинение вреда как принцип

гражданско-правовой (деликтной) ответственности в противовес принципу вины. При этом вина может сохранить свое значение там, где она традиционно необходима (вина потерпевшего, смешанная вина и т. п.). Однако принцип причинения как общее правило неприемлем. Такой подход оправдан лишь в предусмотренных законом случаях. Возможно, в недалекой перспективе безвиновная ответственность (строгая ответственность) станет общим правилом ответственности за незаконный акт власти, причинивший вред. Сейчас формальное признание действия принципа вины в статье 1070 ГК РФ не более чем фикция [4].

Основное значение имеет противоправность причинения вреда, но доказательства правомерности акта власти становятся все более казуистичными.

В судебных решениях отражаются сложности квалификации причинивших вред действий (бездействий) органов власти и должностных лиц при использовании категорий «исполнение служебных обязанностей», «превышение служебных обязанностей», «злоупотребление служебными полномочиями». Особое значение приобретает формальный подход, который вызван потребностью упрощения и типизации регулирования неочевидных ситуаций. Однако данный подход не получает поддержки в актах Конституционного Суда РФ.

Показательной можно назвать правовую позицию, изложенную в Определении Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 1049-О, в соответствии с которой при решении вопроса о наличии основания возмещения вреда, причиненного гражданину применением к нему принудительной меры обеспечения производства по административному делу, суд должен оценивать законность действий (бездействий) органа государственной власти или должностного лица не только с точки зрения соблюдения пределов предоставленных им законом (т. е. формально определенных) полномочий, но и с точки зрения обоснованности таких действий, т. е. их соответствия конституционным требованиям справедливости, соразмерности и правовой безопасности¹.

Более того, суды должны оценивать законность действий не только того должностного лица, которое непосредственно применило, в частности, меру принуждения в отношении потерпевшего, но и других должностных лиц, деятельность которых обусловила применение данной меры. Кроме того, суд должен был убедиться в том, что избранная для правонарушителя обеспечительная мера в конкретной ситуации являлась единственно возможной.

Эта позиция заслуживает безоговорочного признания и способна повлиять на эффективность защиты прав потерпевших от незаконного применения «промежуточных» принудительных мер по формальным основаниям, понимаемым необоснованно узко.

При правильном применении формального подхода для оценки противоправности принудительных мер защита прав потерпевшего также может казаться действенной. К сожалению, этому нередко препятствуют внешние обстоятельства. В одном из судебных решений, например, суд признает, что причинившие вред действия (обыск производился с нарушением установленных законом правил, изъяты ценности впоследствии были похищены должностным лицом) не входили в служебные обязанности осужденного². Вина государственного органа, как указано в судебном решении, не установлена. Итог – вред подлежит возмещению самим осужденным. В этом деле при правильном формальном подходе суда ответственность государства не была бы исключена. Ведь судом было установлено, что должностное лицо использовало служебное положение, присвоило ценности, изъятые с нарушением уголовно-процессуальных норм при обыске, явно вышло за пределы должностных полномочий. При этом вредоносные действия должны были быть квалифицированы как незаконные акты власти (из категорий иных действий, фактических действий).

В целом анализ действующего законодательства показывает, что вина является не безусловным и обязательным условием наступления гражданско-правовой ответственности. Вина является условием ответственности только в том случае, если на это специально указано в законе,

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 1049-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2014. – № 2.

² Решение Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 30 января 2017 г. по делу № 2-2/2017 // Документ опубликован не был. СПС Гарант.

а не наоборот. Например, пункт 9 статьи 8.1 ГК РФ указывает на наличие вины как обязательно-го условия наступления ответственности. Аналогичные правила содержатся в пункте 7 статьи 51 ГК РФ, пункте 1 статьи 53.1 ГК РФ, пункте 3 статьи 230 ГК РФ, статье 1073 ГК РФ, пункте 2 статьи 1074 ГК РФ, статье 1076 ГК РФ и т. д.

Исследование статей 1068–1070, пункта 1 статьи 1074, статей 1077, 1079 и пр. показывает, что ответственность по этим составам наступает без вины. Таким образом, отсутствие специального указания в законе на вину приводит к тому, что ответственность должна наступать без вины.

Логику такого рассуждения нарушает норма, заложенная в статье 401 ГК РФ, допускающая возможность наступления ответственности только при наличии вины. Исходя из этого, совокупное толкование приведенных норм показывает, что и в случае, когда в специальной норме предусмотрена ответственность за вину, и в случае, когда в специальной норме не предусмотрена ответственность за вину, вина является общим условием ответственности [7]. Но логика законодателя в данном случае нарушена, так как возникает вопрос: если ответственность наступает только за вину, зачем в отдельных специальных составах законодатель еще раз делает акцент на наличии вины? Ответ, полагаем, кроется в приоритетности специальных норм над общей нормой, заложенной в статье 401 ГК РФ. Безусловным является тот факт, что при конфликте общей и специальной нормы применению подлежит специальная.

Возвращаясь к анализу пункта 2 статьи 1064 ГК РФ, следует подчеркнуть, что буквальное толкование формулировки, предложенной законодателем, показывает, что авторы закона гово-

рят не об освобождении от ответственности в силу отсутствия вины, а указывают на возможность освобождения от обязанности возмещения вреда. Здесь необходимо отметить, что гражданско-правовая ответственность и возмещение вреда нами рассматриваются как разные понятия, где возмещение вреда является одной из составляющих частей ответственности, выполняющей в отличие от ответственности всего две функции, главная из которых – компенсаторная. Главная цель возмещения вреда – возместить и восстановить все, что было утрачено.

Таким образом, очевидной становится точка зрения, согласно которой наличие вины не является необходимым условием гражданско-правовой ответственности, однако, является фактором, влияющим на определение размера возмещения вреда (вплоть до отказа в возмещении). Данный вывод подтверждается путем анализа ряда статей ГК РФ. Так, статья 151 ГК РФ предусматривает необходимость учета степени вины причинителя вреда при определении размера компенсации морального вреда. Статья 404, пункт 2 статьи 1081 и статья 1083 ГК РФ увязывают размер возмещения как со степенью вины причинителя вреда, так и со степенью вины лица, которому вред причинен.

Итак, исходя из установленной государством общей цели гражданско-правовой ответственности, возникающей из причинения вреда (наиболее полного возмещения вреда), условиями наступления гражданско-правовой ответственности для органов государственной власти являются наличие вреда и деяние субъекта (независимо от их характера – правомерное и противоправное).

Список литературы

1. Андреев Ю. Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2013.
2. Васильева Е. С. Основания и условия ответственности за вред, причиненный действиями сотрудников правоохранительных органов // Проблемы науки. – 2017. – № 11 (24). – С. 71–74.
3. Дерюгина Т. В. Проблемы определения условий гражданско-правовой ответственности при причинении вреда // Власть Закона. – 2018. – № 1. – С. 31–39.
4. Жаглина М. Е. Особенности деликтной ответственности за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов и суда // Вестник Воронежского института МВД России. – 2018. – № 1. – С. 123–132.
5. Кабанова И. Е. Гражданско-правовая ответственность публичных субъектов: вопросы теории и практики : монография / отв. ред. М. А. Егорова. – М. : Юстицинформ, 2018.

6. Монгуш В. Ю. Некоторые проблемы института компенсации морального вреда // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2017. – № Т39. – С. 1591–1595.
7. Пурге А. Р. Правовая характеристика гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный правоохранительными и судебными органами // Административное и муниципальное право. – 2017. – № 8 (116). – С. 19–25.
8. Рудат А. А., Самодуров Д. И. Сущность гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда // Вестник Международного института экономики и права. – 2017. – № 2 (27). – С. 48–54.
9. Шаныгин М. А. Правонарушение и его состав как основание ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда // Наука. Общество. Государство. – 2017. – Т. 5. – № 3 (19). – С. 166–170.